

ПРОМЫСЛОВАЯ КООПЕРАЦИЯ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ НА ПУТИ К НЭПУ

Г. С. Махрачев

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Поступила в редакцию 8 июля 2024 г.

Аннотация: статья посвящена изучению специфики существования промысловой кооперации на переломе эпох: от военного коммунизма к нэпу. Рассмотрена деятельность органов местной власти, заведовавших вопросами кооперативного строительства: губкустпрома и укустпромов. Исследованы две формы объединения первичных кооперативов: 1) автономная сельскохозяйственная и кустарно-промысловая секция при губсоюзе и 2) губернский союз производственных сельскохозяйственных и кустарно-промысловых кооперативов. В ходе работы автор пришел к выводу о том, что к концу периода военного коммунизма промысловая кооперация попала в подчинение к потребительской и стала главным инструментом губкустпрома по реализации госзаказов. После перехода к нэпу кустарные объединения вновь стали самостоятельными. Начался конфликт за внимание кустарей между образовавшимся кооперативсоюзом, ставшим центром объединения промысловой кооперации, и губкустпромом, который был вынужден перейти на хозрасчет. В 1922 г. Воронежский губкустпром был упразднен.

Ключевые слова: военный коммунизм, нэп, промысловая кооперация, Воронежская губерния.

Abstract: the article is devoted to the study of the specifics of the existence of producer's co-operative society at the turning point of epochs: from war communism to the NEP. The paper analyses the activity of local authorities in charge of co-operative construction: the provincial department of handicraft industry and the district department for handicraft and small-scale industry. Two forms of association of primary co-operatives were studied: 1) autonomous agricultural and handicraft unit under the provincial union and 2) provincial union of production agricultural and handicraft co-operatives. In the course of the work, the author came to the conclusion that by the end of the period of war communism, the producer's co-operative society was subordinated to the consumer co-operation and became the main instrument of the provincial department of handicraft industry for the fulfilling of state orders. After the transition to the New Economic Policy, handicraft associations became independent again. A conflict for the attention of artisans began between the co-operative union which became the centre of the producer's co-operative association, and the provincial department of handicraft industry, which was forced to switch to financial autonomy. In 1922 Voronezh provincial department of handicraft industry was abolished.

Key words: War Communism, NEP, producer's co-operative society, Voronezh Province.

Переход к рыночным отношениям в конце XX в. вселил в сердца граждан бывшего СССР веру в скорейшее решение всех финансовых проблем. Однако на практике страна на десятилетие погрузилась в глубокий кризис. И только в начале XXI в. стал наблюдаться экономический подъем. Такая же ситуация наблюдалась и в других областях внутривосточного развития, а также на международной арене. Постепенное восстановление России и рост ее внешнеполитического влияния неминуемо вел к увеличению числа конфликтов с западным гегемоном. Сегодня отечественная экономика оказалась под сильнейшим санкционным давлением, и государственные власти ищут новые способы поддержки всех видов предпринимательства. Именно поэтому сегодня становятся актуальными исследования, ориентирован-

ные на изучение истории отечественного предпринимательства, особенно в условиях кризиса.

В годы нэпа промысловая кооперация играла заметную роль в хозяйственной жизни страны, а потому этой теме были посвящены многочисленные труды. Современники анализировали действовавшее законодательство, изучали статистику численности промысловых объединений, а также выявляли объемы производства [1; 2]. Но зачастую работы носили откровенно агитационный характер [3–5].

В 1930–1950-х гг. интерес к этой теме резко падает. В 1957 г. научный мир увидел труд П. И. Яковлева, в котором автор проанализировал эволюцию промысловой кооперации с позднимперского времени к советскому. В дальнейшем был опубликован ряд работ, в которых кооперация рассматривалась как особая форма организации производства, являвшаяся антиподом частному капиталу и способствовавшая

строительству социализма. В этих исследованиях всякая деятельность советской власти оценивалась положительно [6–9]. Привлекали внимание ученых и внутривластные дискуссии 1920-х гг. о возможном будущем промысловой кооперации [10].

Положительная оценка работы правительства сменилась резкой критикой в конце 1980-х – 1990-е гг. В это время были опубликованы научные статьи, в которых указывалось, что основные усилия власти были направлены на огосударствление кооперации. Советское руководство стремилось всячески подорвать суверенитет промысловых объединений и использовать их для решения собственных проблем. Также в статьях было обращено внимание на положительную роль частного капитала в восстановлении отечественной экономики [11–13].

В начале XXI в. был опубликован труд Л. Е. Файна, в котором была обобщена его многолетняя работа. В своем исследовании ученый пришел к выводу, что в течение всего периода нэпа шла борьба между представителями старой кооперации и советской властью [14]. Концептуально новую идею в своей монографии предложил В. Г. Егоров, сместив исследовательский фокус с изучения взаимоотношений власти и кооперации на выявление специфики развития кооперации как закономерного этапа развития мелкотоварного производства [15]. Постепенно начали появляться работы, отражающие региональную специфику рассматриваемой темы. Данная статья посвящена исследованию опыта кооперативного строительства в Центральном Черноземье – регионе, который ранее не подвергался детальному изучению [16–20].

Согласно постановлению, принятому ВСНХ и НКЗ 20 мая 1920 г., шефство над промысловой кооперацией возлагалось на специальный орган управления – Главкустпром и его местные отделы: губкустпромы и укустпромы. Учрежденная структура должна была в первую очередь устранить ранее существовавший параллелизм в работе двух ведомств, ответственных за это постановление. Кроме того, на Главкустпром и его отделы возлагалась ответственность по решению целого ряда экономических задач: 1) систематизация госзаказов, поступавших от различных ведомств для кустарей; 2) повышение качества изготавливавшейся продукции; 3) предоставление всех необходимых для работы материалов и помощь в сбыте изделий; 4) сбор и анализ данных о численности мастеров, объемах, себестоимости и технологии производства; 5) регистрация новых промысловых объединений и увеличение общих темпов кооперативного строительства [21].

Воронежский губкустпром был учрежден 5 августа 1920 г. [22, л. 59]. К началу 1921 г. его аппарат заметно укрепил свои позиции в вопросах, связанных с регулированием кустарного производства. Напри-

мер, привлечение мастеров и их объединений к выполнению заказов различных производственных отделов ГСНХ должно было происходить в соответствии с общегубернским кустарно-производственным планом, утверждавшимся губкустпромом. Если по какой-то причине подобное сотрудничество не было занесено в план, то оно должно было также в обязательном порядке курироваться губкустпромом. Реализацией готовых изделий заведовал губкустпром. Исключения допускались для производственных отделов, работавших в соответствии с общегубернским планом или выполнявших специальные задания по постановлению Президиума ГСНХ и губкустпрома. Стоимость продукции определялась только губкустпромом при посредстве междуведомственной калькуляционной комиссии, включавшей представителей производственных отделов [там же, л. 7].

Постепенно упрочняя свое влияние на региональном уровне, Воронежский губкустпром не ограничивался реализацией государственных заказов и сбытом готовых изделий. Заметное внимание уделялось поддержке кустарей. Во-первых, велась работа по ограничению перегибов местных властей при национализации малых предприятий. Так, в первые месяцы 1921 г. удалось остановить деятельность губкожи по национализации «Трудобувкожи» – первого трудового кооперативного обувно-кожевенного производства в г. Воронеже – и такие же действия химотдела в отношении дегтярного кустарного завода Коршевского кооперативного товарищества [там же, л. 19, 21, 23]. Уже после перехода к нэпу, опираясь на декрет от 7 июля 1921 г., поощрявший самостоятельность кустарей и промысловых кооперативов, губкустпром выступил с ходатайством о возвращении кустарю И. Ф. Масалитинову, организовавшему к тому моменту собственный кооператив, реквизированной у него еще в 1918 г. пищеотделом машины для выработки леденцовой смеси [там же, л. 100].

Во-вторых, губкустпром оказывал юридическую помощь в оформлении уставов промысловых кооперативов. В январе 1922 г. в связи с изменившимся законодательством был разработан и издан новый примерный устав промыслового кооператива, на который при перерегистрации могли равняться все действовавшие в губернии объединения кустарей [23, л. 1 об.].

В-третьих, уделялось внимание поднятию профессионального уровня мастеров. Губкустпром организовал массовое распространение профессиональной литературы. Примечательно, однако, что реализация этих материалов в кустарной среде происходила не бесплатно. Только за январь 1922 г. с продаж было выручено около 2 000 000 руб. [там же, л. 1 об. – 2].

Очевидно, что государственным властям для проведения грамотной политики по оказанию поддержки

местным мастерам важно было иметь четкие представления о положении дел в губернии. А потому уже на первых этапах своего существования губкустпром поднимал вопрос о необходимости проведения соответствующих обследований. Так, в отношении промысловой кооперации планировалось проводить ревизии по трем направлениям: «бухгалтерски-счетоводном», «с точки зрения ее кооперативности», «со специально-технической точки зрения» [22, л. 3]. В первом случае предполагалось изучить балансы и отчетную документацию. Во втором – проанализировать цель и задачи работы, выявить структуру объединений, чтобы заблаговременно определить лжекооператив. В третьем – исследовать степень обеспеченности материалами и правильность организации производственного процесса.

Первоначально губкустпром из-за нехватки специалистов не мог воплотить свои идеи на практике [там же, л. 4 об.]. Но в дальнейшем работу в этом направлении удалось наладить. Сохранился отчет, свидетельствующий о том, что в январе 1922 г. было проведено специальное общегубернское обследование промысловой кооперации, в котором приняло участие 11 специалистов из разных отделов губкустпрома [23, л. 1 об.].

Несмотря на отмеченные выше положительные стороны в работе губкустпрома, было бы ошибкой считать, что деятельность этого органа власти носила исключительно продуктивный характер. Обращает на себя внимание межведомственный конфликт, возникший на рубеже 1921–1922 гг. Согласно заявлению от заведовавшего губодеждой в президиум ГСНХ губкустпром через свои уездные отделы присвоил продукцию военного назначения, принадлежавшую ликвидированным в это время уодеждам. Причем объемы присвоенного были весьма внушительны: 90 707 нательных рубашек, 83 596 кальсон, 25 000 комплектов бумажного белья, 18 000 наволочек, 5000 комплектов летнего обмундирования, 987 телогреек и т. д. Часть полученного имущества была направлена на погашение долгов перед Главкустпромом, а часть – на продажу. Заведовавший губодеждой назвал произошедшее «ведомственным захватом». А губкустпром на подобные обвинения либо придумывал слабые оправдания, либо попросту игнорировал все обвинения [24, л. 41].

Отметим при этом, что в молодом государстве, которое только начало создавать административно-управленческую вертикаль, конфликты между разными ведомствами, многие из которых стремительно создавались с нуля, а потом также стремительно упразднялись, были типичным явлением. Жалобы шли не только в отношении деятельности губкустпрома, но и с его стороны тоже. Так, руководство губкустпрома 12 января 1921 г. направило в президи-

ум ГСНХ требование, чтобы УСНХ не препятствовали своим производственным отделам предоставлять укустпромам образцы разных кустарных изделий. Последние должны были быть представлены в Москве, чтобы у руководства страны было большее понимание ситуации, сложившейся на местах [22, л. 9].

Помимо конфликтов с разными ведомствами, губкустпром сталкивался в своей работе и множеством других трудностей. Например, наблюдалась явная слабость технического обеспечения. Сохранились документы, свидетельствовавшие о многократных обращениях в местные органы власти с прошением об установке настольного телефонного аппарата в коллегии губкустпрома. Новое оборудование позволило бы увеличить продуктивность работы. Однако все прошения так и не были удовлетворены [там же, л. 66].

Наибольшие трудности были связаны с переходом к нэпу. В годы военного коммунизма вся производственная деятельность кустарного характера была полностью завязана на губкустпроме, а сам он находился на государственном обеспечении. Новые законы возвращали мастерам былую автономию, а отдел переходил на хозрасчет. Такие условия моментально породили дефицит бюджета. Отсутствие наличных денежных средств привело к тому, что артели прекратили сдачу товара в соответствии с условиями реализации госзаказов. В скором времени благодаря губфинотделу ситуацию удалось скорректировать [там же, л. 64].

К новым условиям не был подготовлен и кадровый состав. В 1921 г. председатель губкустпрома отмечал, что в учреждении числилось 76 человек, половина из которых была не приспособлена к рыночным условиям, а потому не соответствовала занимаемой должности [там же, л. 108]. А к концу года количество работников возросло до 89. И только в конце января 1922 г. удалось сократить штат до 58 человек. Заведующий и 8 сотрудников организационно-административного отдела должны были содержаться за государственный счет. А еще 49 человек (заместитель заведующего, 10 сотрудников общего отдела, 9 – производственного, 22 – товарно-коммерческого и 7 – финансово-счетного) должны были получать зарплату из средств, полученных в результате хозяйственной деятельности губкустпрома [23, л. 1].

Оказалось также, что у губкустпромов и укустпромов отсутствовали книги по финансовому делопроизводству. Для устранения этой проблемы было принято решение организовать писчебумажную и книжную торговлю, заключив договор с кооперативом «Лад». Также было направлено ходатайство в президиум губисполкома о выделении 100 000 000 руб. из бескредитного фонда [22, л. 132].

Для лучшей интеграции в рыночные условия в губкустпроме в декабре 1921 г. был создан специальный отдел – товарно-коммерческий. Сотрудники отдела вели работу по выявлению объемов имевшегося сырья, изучению качества товаров и выявлению рынков их возможного сбыта. Имевшееся в распоряжении учреждения сырье было подвержено сортировке в зависимости от его качества. Все сделки по приему кустарной продукции стали совершаться только с учетом рыночных реалий, а сами изделия подвергались тщательному отбору на предмет отсутствия брака. Сбыт товаров происходил через магазины как в самом Воронеже, так и в уездах при конторах уполномоченных. Причем цены устанавливались ниже рыночных [23, л. 4 об.].

Как видно, переход к нэпу стимулировал сотрудников губкустпрома лучше разобраться в подведомственных вопросах. Но, вероятно, учреждению, привыкшему существовать исключительно за государственный счет, при всех прикладывавшихся усилиях было сложно адаптироваться к новым реалиям. В Воронежской губернии, как и во всех остальных, началось постепенное упразднение губкустпрома. Собрание ликвидационной комиссии здесь прошло 29 мая 1922 г. Главный поднимавшийся вопрос был связан с дальнейшей судьбой принадлежащего учреждению имущества, которое по итогу должно было быть распределено между Главкустпромом и ГСНХ [25, л. 117–117 об.]. Заметим, что и Главкустпром после ликвидации своих местных отделов просуществовал недолго и в 1923 г. также был упразднен.

Ключевым направлением советской политики в отношении кустарей было массовое кооперирование. Новому правительству явно импонировала специфика деятельности такой формы объединенного производства, в которой каждый ее член обязан был участвовать личным трудом. Первоначально промысловая кооперация развивалась в автономном режиме. Однако в 1920 г. были приняты два декрета, направленные на ее централизацию за счет ограничения былого суверенитета. Промысловая кооперация переходила в подчинение потребительской [26; 27]. В соответствии с декретами в Воронеже при губсоюзе была создана автономная сельскохозяйственная и кустарно-промысловая секция.

Первоочередной задачей секции было изучение существующих в губернии промыслов с целью объединения кустарей в кооперативы. А поскольку Воронежская губерния относилась к числу аграрных, особое внимание должно было уделяться выявлению возможностей организации производства земледельческого инвентаря: сох, борон, грабель, молотилок, веялок и проч. Кроме того, секция являлась главным инструментом губкустпрома по реализации общегубернского кустарно-производственного плана. При

этом снабжение мастеров сырьем и материалами, организация производства, сбор готовых изделий возлагалось на секцию, а губкустпром осуществлял общее руководство и контроль [28, с. 153].

За время своей работы секции удалось зарегистрировать 260 кооперативов. С 34 из них были заключены производственные договоры. Реализовать общегубернский кустарно-производственный план получалось слабо. Предполагалось в течение 1921 г. изготовить изделия на сумму в 1 088 000 000 руб., однако осуществлен этот проект был только на 11,5 %. Современники связывали неудачи с параллелизмом в работе секции и губкустпрома, слабой материально-технической базой, задержками в финансировании, слабой связи центра и первичных кооперативов [29, с. 7].

Либерализация экономики в 1921 г. привела к освобождению промысловой кооперации из-под опеки потребительской [30; 31]. 8 августа место автономной сельскохозяйственной и кустарно-промысловой секции при губсоюзе занял Воронежский губернский союз производственных сельскохозяйственных и кустарно-промысловых кооперативов (кооперативсоюз). Однако это преобразование не прошло без заминки. 21–23 июля прошло заседание собрания уполномоченных кооперативов, где было принято решение о передаче дел из секции в кооперативсоюз. 26 июля соответствующее распоряжение было передано правлению секции, на которое последнее ответило согласием приступить к выполнению работы с 27 июля. Однако в это же время губкустпром и губсоюз ввели в состав правления дополнительно по одному своему представителю. 28 июля вновь был поднят вопрос о передаче дел. Три члена старого «законного» состава проголосовали положительно, а председатель и двое «вновь делегированных» – против.

В связи со сложившейся ситуацией члены правления обратились в президиум ГСНХ с заявлением о незаконности действий губкустпрома и губсоюза. Отмечалось, что, во-первых, численность штата руководящего органа не могла превышать пяти человек. Во-вторых, потеряло силу положение «О сельскохозяйственных и промысловых кооперативных организациях» от 19 апреля 1920 г., служившее ранее основанием для делегирования представителей от учреждений в правление секции. В-третьих, секции самой предоставлялось право выбирать способ и порядок ликвидации. Эти доводы послужили основанием для сокращения состава правления до бывшей численности и беспрепятственной передаче дел кооперативсоюзу [22, л. 79].

Вероятно, этот конфликт возник из-за нежелания губсоюза и губкустпрома упускать контроль над промысловой кооперацией. Кооперативсоюз в первые же

дни своего существования заключил с губкустпромом соглашение, по которому оставлял за собой всю хозяйственно-оперативную работу с мастерами, а последний мог осуществлять лишь общее руководство. Кроме того, между двумя учреждениями был подписан договор, согласно которому кооперативсоюз должен был выполнить заказ по деревообделочному производству на сумму в 1 107 000 000 руб., по металлообрабатывающему – в 1 148 000 000 руб., по текстильному – в 1 750 000 000 руб. Общая стоимость планировавшейся к изготовлению продукции составляла 4 005 000 000 руб. Из 380 существовавших в губернии кооперативов новый союз объединил под своим началом 22, через которые и должны были участвовать в реализации заказов [29, с. 8].

Уже в скором времени губкустпром стал самостоятельно вести работу с первичными кооперативами и по своему усмотрению заключать с ними договоры, что неминуемо вело к параллелизму в работе. В некоторых случаях политика ведомства и его отделов была весьма агрессивна. Так, в Землянском уезде укустпром навязывал производственные договоры тем объединениям кустарей, которые уже являлись членами кооперативсоюза и выполняли по его поручению задания, необходимые для реализации общего договора, ранее заключенного между кооперативсоюзом и губкустпромом. Для большей убедительности укустпром указывал на отсутствие у союза необходимого для работы сырья и даже угрожал обращением в политбюро [32, с. 45]. Отметим, что такой же параллелизм существовал и ранее, однако автономная сельскохозяйственная и кустарно-промысловая секция губсоюза не обладала достаточным суверенитетом, чтобы как-то возражать.

Выполнение условий договора тормозилось также проблемами в финансировании и слабой сырьевой базой. Губкустпром должен был предоставить в качестве аванса 1 011 000 000 руб., однако фактически было отпущено только 154 000 000 руб. Из 73 713 кг шерсти и 278 472 кг пеньки, необходимых для текстильных изделий, было предоставлено только 19 658 и 42 590 кг соответственно. Причем часть сырья была непригодна к производству. Кроме того, длительное время пришлось ожидать отвод лесных площадей, требовавшихся для деревообделочного производства [29, с. 11–12].

В результате кооперативсоюзу удалось исполнить на 80 % заказ по металлообрабатывающему производству и на 75 % по деревообделочному. Итоги работы в области текстильного производства характеризовались как «слабые». В 1922 г., как уже отмечалось, произошла ликвидация губкустпрома и укустпромов. Однако проблемы кооперативсоюза при этом не разрешились, а только усугубились, поскольку полностью исчезло хоть какое-нибудь финансирова-

ние. Кроме того, негативное влияние на производственный процесс оказывала растущая инфляция. В документах был отражен следующий пример. Союз заключил договор на производство валенок стоимостью 35 000 руб. за пару, а к моменту, когда заказ был передан кустарям, цена пары валенок выросла до 70 000 руб. В итоге пришлось заключать новое соглашение [32, с. 34].

Несмотря на множество трудностей кооперативсоюз продолжал свою деятельность. Положительную роль здесь играл нэп, благодаря которому началось постепенное восстановление экономики, в частности, кустарного производства. Кроме того, союз обладал заметной самостоятельностью и мог оперативно реагировать на менявшийся потребительский спрос. При этом главные производственные усилия были направлены на удовлетворение потребностей местного крестьянства в сельскохозяйственном инвентаре. Немаловажное значение имело также тесное сотрудничество руководства союза с первичными кооперативами, а потому заметное внимание уделялось поддержке мастеров.

Таким образом, к концу военного коммунизма промысловая кооперация полностью потеряла свою автономность, попав в подчинение к потребительской. Шефство над кустарями было возложено на Главкустпром и его региональные отделы. В деятельности Воронежского губкустпрома и укустпромов можно выделить ряд положительных сторон: борьба с перегибами при национализации кустарной промышленности, оказание юридической помощи кооперативом и работа по повышению профессионализма мастеров. Однако не обошлось и без конфликтов с другими ведомствами. После перехода к нэпу воронежская кооперация вновь получила былую автономию, войдя в состав образовавшегося кооперативсоюза. В результате началось противоборство между кооперативсоюзом, стремившимся отстоять свою независимость, и губкустпромом, которому пришлось перейти с государственного обеспечения на хозрасчет. В 1922 г. в связи с изменившейся экономической обстановкой был ликвидирован воронежский губкустпром, а в 1923 г. – Главкустпром.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фромметт Б. Р.* Десять лет советской промысловой кооперации. 1917–1927 / Б. Р. Фромметт. – М. : Книгосоюз, 1927. – 70 с.
2. *Василевский П. И.* Очерки кустарной промышленности СССР / П. И. Василевский, Е. И. Шлифштейн ; Государственное издательство. – М. ; Л., 1930. – 293 с.
3. *Ленин В. И.* О кооперации / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 45. Март 1922 – март 1923. – 5-е изд. – М. : Издательство политической литературы, 1970. – С. 369–377.

4. Мещеряков Н. Л. Задачи современной кооперации / Н. Л. Мещеряков. – М. : Всероссийский центральный союз потребительских обществ, 1922. – 15 с.
5. Тихомиров В. А. Социалистическое соревнование и промысловая кооперация / В. А. Тихомиров. – М. : Всесоюзный центральный союз потребительских обществ ; Крестьянская газета, 1929. – 13 с.
6. Архипов В. А. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. 20-е – начало 30-х годов / В. А. Архипов, Л. Ф. Морозов. – М. : Мысль, 1978. – 263 с.
7. Бузлаева А. И. Ленинский план кооперирования мелкой промышленности / А. И. Бузлаева. – М. : Наука, 1969. – 175 с.
8. Чумак А. Ф. К вопросу о вовлечении кустарей и ремесленников в социалистическое строительство / А. Ф. Чумак // Вопросы истории КПСС. – 1967. – № 7. – С. 58–67.
9. Чумак А. Ф. Коммунистическая партия в борьбе за вовлечение сельских кустарей в социалистическое строительство / А. Ф. Чумак // Вопросы истории КПСС. – 1971. – № 7. – С. 82–90.
10. Дмитренко В. П. Партия и кооперация / В. П. Дмитренко, Л. Ф. Морозов, В. И. Погудин. – М. : Политиздат, 1978. – 296 с.
11. Елютин О. Н. Кооперация в России – невооруженный опыт / О. Н. Елютин // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. – 1998. – № 5. – С. 30–53.
12. Козлов И. А. Революция, нэп и судьбы мелкого производства / И. А. Козлов // Историческое значение нэпа : сборник научных трудов. – М. : Институт истории СССР, 1990. – С. 61–85.
13. Свищев М. А. Опыт нэпа и развитие мелкого производства на современном этапе / М. А. Свищев // История СССР. – 1989. – № 1. – С. 3–23.
14. Файн Л. Е. Российская кооперация : историко-теоретический очерк : 1861–1930 / Л. Е. Файн. – Иваново : ИвГУ, 2002. – 298 с.
15. Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве : становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века) / В. Г. Егоров. – Казань : Издательство Казанского университета, 2005. – 332 с.
16. Николаев А. А. Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе (1920 – середина 1930-х гг.) / А. А. Николаев. – Новосибирск : Издательство СО РАН, 2000. – 140 с.
17. Ягов О. В. Кустарно-промысловая кооперация Поволжья в условиях реализации новой экономической политики / О. В. Ягов. – Самара ; Пенза : Издательство Самарского научного центра РАН ; ПГПУ имени В. Г. Беллинского, 2008. – 335 с.
18. Бородулина Е. В. Первые шаги сибирского кооперативного строительства в условиях перехода к новой экономической политике (1921–1923 годы) / Е. В. Бородулина // Научный диалог. – 2018. – № 3. – С. 116–135.
19. Бородулина Е. В. Промысловая кооперация Сибири на исходе новой экономической политики (1926–1929 годы) / Е. В. Бородулина // Научный диалог. – 2020. – № 9. – С. 298–318.
20. Семина С. А. Деятельность Иркутского кооперативного кустарно-промыслового союза (вторая половина 1920-х годов) / С. А. Семина // Иркутский историко-экономический ежегодник. – Иркутск : Байкальский государственный университет, 2018. – С. 232–237.
21. О Главном Управлении по делам кустарной и мелкой промышленности и промысловой кооперации (Положение) // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. – М. : Б. и., 1943. – С. 325–328.
22. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 1117.
23. ГАВО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 1585.
24. ГАВО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 1626.
25. ГАВО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 1627.
26. Об объединении всех видов кооперативных организаций // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. – М. : Б. и., 1943. – С. 35–36.
27. О сельскохозяйственных и промысловых кооперативных организациях (Положение) // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. – М. : Б. и., 1943. – С. 209–210.
28. Отчет Воронежского губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 9-му губернскому съезду советов. – Воронеж : 4-я советская типография, б. г. – 254 с.
29. Вестник Воронежского союза сельскохозяйственных и кустарно-промысловых кооперативов (Кооперативсоюз) : в 2 номерах. № 1. 1 декабря 1921 г. – Воронеж : Б. и., 1921. – 52 с.
30. Об отмене, приостановке и пересмотре некоторых постановлений о мелкой и кустарной промышленности и кустарной сельскохозяйственной кооперации // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. – М. : Б. и., 1944. – С. 475–476.
31. О промысловой кооперации // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. – М. : Б. и., 1944. – С. 583–585.
32. Вестник Воронежского союза сельскохозяйственных и кустарно-промысловых кооперативов (Кооперативсоюз) : в 2 номерах. № 2. Февраль 1922 г. – Воронеж : Б. и., 1922. – 74 с.

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Махрачев Г. С., кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и философии
E-mail: mahrachova@mail.ru

Tambov State University named after G. R. Derzhavin
Makhachev G. S., Candidate of Historical Sciences,
Senior Lecturer of the Department of History and Philosophy
E-mail: mahrachova@mail.ru